

РУССКИЕ В ИНОЭТНИЧНОЙ СРЕДЕ

*З. Х. ЛЕПШОКОВА,
Н. М. ЛЕБЕДЕВА*

Воспринимаемая дискриминация и аккультурация русских на Северном Кавказе (несовместимость этнической и региональной идентичностей)*

В статье исследуется взаимосвязь восприятия русскими, проживающими на Северном Кавказе, дискриминации и процессов аккультурации. Показано, что воспринимаемая ими дискриминация со стороны доминирующего населения положительно связана с несовместимостью этнической (русской) и региональной (кавказской) идентичностей. Данная несовместимость не способствует ни стратегии интеграции, направленной на сохранение своей культуры, ни принятию культуры доминирующего населения, определяя выбор стратегии сепарации и маргинализации. Взаимосвязь воспринимаемой дискриминации и стратегии ассимиляции (принятие культуры местного населения) не опосредована несовместимостью этнической и региональной идентичностей.

Ключевые слова: стратегии аккультурации, воспринимаемая дискриминация, воспринимаемая несовместимость идентичностей, этническая (русская) идентичность, региональная (кавказская) идентичность, русские, Кабардино-Балкария, Северный Кавказ.

Русские в республиках Северного Кавказа

Русские на Северном Кавказе живут не в одном поколении, но в последние десятилетия их отток из этого региона заметно увеличился. Так, согласно переписям населения 1989 и 2010 гг. русское население в Кабардино-Балкарии (КБР) снизилось с 31,9 до 22,5%, в Северной Осетии–Алании – с 29,9 до 20,6%, в Дагестане – с 4,7 до 3,6%. В Че-

---

*Статья подготовлена в результате проведения исследования в рамках Программы фундаментальных исследований Национального исследовательского университета “Высшая школа экономики” (НИУ ВШЭ) и с использованием средств субсидии на государственную поддержку ведущих университетов Российской Федерации в целях повышения их конкурентоспособности среди ведущих мировых научно-образовательных центров, выделенной НИУ ВШЭ.

Лепшкова Зарина Хизировна – кандидат психологических наук, доцент департамента психологии НИУ ВШЭ, старший научный сотрудник Международной научно-учебной лаборатории социокультурных исследований НИУ ВШЭ. Адрес: Волгоградский просп., д. 46б, Москва, 109316. E-mail: taimiris@yandex.ru.

Лебедева Надежда Михайловна – доктор психологических наук, профессор департамента психологии НИУ ВШЭ, заведующая Международной научно-учебной лабораторией социокультурных исследований НИУ ВШЭ. Адрес: Волгоградский просп., д. 46б, Москва, 109316. E-mail: lebedhope@yandex.ru.

чено-Ингушской Республике в 1989 г. русские составляли 23,1%, а по переписи 2010 г. в Чеченской Республике их осталось 1,9%, а в Ингушской республике – 0,8% [Итоги... 2012; Всесоюзная... 2015]. Материалы опроса 2007 г., проведенного среди русских КБР, показали, что из республики желал уехать каждый четвертый. Более всего была настроена на отъезд молодежь в возрасте 18–24 года – около 37% [Акжиева, Геккиев 2012].

Значительный миграционный отток русского населения из республик Северного Кавказа обусловлен рядом факторов. К причинам социально-экономического характера относятся замещение квалифицированных специалистов (привлеченных в довоенные и послевоенные годы для основания промышленности в республики из русских регионов России) подготовленными за это время квалифицированными рабочими из числа титульных национальностей. К этнополитическим причинам – обостряющаяся межэтническая напряженность в процессе суверенизации, как между титульными национальностями региона, с одной стороны, так и русскими – с другой. В процессе суверенизации национальных республик Северного Кавказа русское население приобрело статус “национального меньшинства” со слабым представительством во властных структурах республик и престижных сферах занятости и с отсутствием перспектив социального роста (см. [Дзадзиев 1999]).

Выделяемые этнополитические причины оттока русского населения из республик Северного Кавказа тесно связаны с социально-психологическими факторами межэтнического взаимодействия в регионе. Например, процесс суверенизации стал источником роста этнического самосознания титульных народов республик Северного Кавказа. На рост значимости этноидентичности северокавказских народов другие этнические группы, находящиеся с ними в повседневном взаимодействии, реагируют разнонаправленными изменениями в структуре собственных идентичностей [Кобихидзе 2005]. На наш взгляд, подобные “разнонаправленные изменения в структуре собственных идентичностей” могут также выражаться в психологическом феномене воспринимаемой несовместимости этнической (русской) и региональной (кавказской) идентичностей, что, в свою очередь, сказывается на формировании стратегий межэтнического взаимодействия.

Обретение русскими в республиках Северного Кавказа статуса “национального меньшинства” ведет к росту воспринимаемой русскими дискриминации со стороны титульных этнических групп. А, как принято считать, воспринимаемая дискриминация влияет на выбор той или иной стратегии аккультурации представителями этнических меньшинств [Berry, Phinney, Sam, Vedder 2006; Berry, Sabatier 2010]. Эти обстоятельства фокусируют наше исследование на социально-психологических факторах, обуславливающих выбор русскими стратегии аккультурации на Северном Кавказе. В качестве социально-психологических факторов мы рассмотрим воспринимаемую дискриминацию со стороны титульного населения и воспринимаемую несовместимость этнической (русской) и региональной (кавказской) идентичностей. С нашей точки зрения, воспринимаемая дискриминация со стороны титульного населения усиливает восприятие этнической и региональной идентичностей как несовместимых, что, в свою очередь, ведет к выбору определенной стратегии аккультурации.

Воспринимаемая дискриминация как фактор выбора стратегии аккультурации

Эмпирическую проверку нашего предположения целесообразно предварить хотя бы беглым анализом теоретических построений касательно аккультурационных процессов. Прежде всего, стоит отметить, что под аккультурацией понимается процесс психологических и поведенческих изменений, которые происходят в результате длительного межкультурного контакта [Sam, Berry 2006]. В модели Дж. Берри процесс аккультурации описывается с помощью двух измерений. Первое касается желания принять культуру доминирующего общества, тогда как второе касается желания сохранить свою культурную идентичность [Berry 1997].

Пересечение этих двух измерений дает нам возможность увидеть четыре стратегии аккультурации, которые используют представители этнических меньшинств в межкультурном взаимодействии. Стратегия интеграции допускает сочетание сохранения своей культурной идентичности с адаптацией к культуре доминирующего общества. Стратегия маргинализации представляет собой как отказ от принятия культуры доминирующего общества, так и от сохранения своей культурной идентичности. Стратегия ассимиляции предполагает принятие культуры доминирующего общества и отказ от сохранения своей культурной идентичности, а стратегия сепарации подразумевает сохранение своей культурной идентичности и отказ от принятия культуры доминирующего общества.

С точки зрения психологической и социокультурной адаптации, стратегия интеграции признается самой успешной, тогда как стратегия маргинализации и чуть в меньшей степени стратегии сепарации и ассимиляции признаются менее успешными. Объясняется это тем, что выбирая стратегию, ориентированную лишь на одну культуру или ни на одну из двух, человек получает социальную поддержку только от одной из двух культур или вовсе ее не получает [Kunst, Sam 2013].

Выбор стратегии аккультурации представителем этнического меньшинства не происходит в социальном вакууме. На него значительное влияние оказывают взгляды доминирующего общества в отношении того, как должны жить представители этнических меньшинств в стране или регионе [Oudenhoven van, Ward, Masgoret 2006]. Зачастую представители этнических меньшинств воспринимают подобные взгляды доминирующего общества как дискриминационные [Jasinskaja-Lahti, Liebkind, Solheim 2009], что влечет за собой выбор определенных “ответных” стратегий и ориентаций в межкультурном взаимодействии [Te Lindert, Korzilius, Vijver van de, Kroon, Arends-Tóth 2008].

Взаимосвязь воспринимаемой дискриминации и стратегий аккультурации изучалась во многих исследованиях. Так, Дж. Берри с коллегами в ходе изучения молодых иммигрантов из 13 стран мира обнаружили, что воспринимаемая дискриминация была важным предиктором выбора стратегии аккультурации. Иммигранты, выбирающие стратегию интеграции, в меньшей степени испытывали дискриминацию, в отличие от тех, кто придерживались сепарации или маргинализации. При этом иммигранты – сторонники стратегии ассимиляции в межкультурном взаимодействии, испытывали относительно невысокий уровень дискриминации, но все же больший, чем те, кто придерживались интеграции [Berry, Phinney, Sam, Vedder 2006].

Немного другие результаты получились в недавнем сравнительном исследовании иммигрантской молодежи в Монреале и Париже. Выбор данных городов был обусловлен тем, что в странах, столицами которых они являются, практикуются различные виды мультикультурной политики. В поликультурной Канаде практикуется политика мультикультурализма, а в менее поликультурной Франции – политика ассимиляции. В результате исследования обнаружилось, что в Париже уровень воспринимаемой дискриминации был выше у тех иммигрантов, которые придерживались стратегий интеграции и сепарации и ниже у тех, кто придерживался стратегий ассимиляции и маргинализации, в Монреале, напротив, уровень воспринимаемой дискриминации был самым низким у тех, кто придерживались стратегии интеграции [Berry, Sabatier 2010].

Итак, мы видим, что вклад воспринимаемой дискриминации в предпочтение тех или иных стратегий аккультурации чрезвычайно велик, кроме того, важна роль господствующей в стране или регионе политики в области межкультурных исследований. На Северном Кавказе официально декларируется принцип межнационального единства и согласия, но данные миграционных служб и переписи населения, приведенные выше, показывают, что русское население покидает регион. Это отчасти свидетельствует о наличии у русских воспринимаемой дискриминации, которая приводит к предпочтению, скорее всего, не стратегии интеграции, что, в свою очередь, ведет к снижению психологического благополучия и желанию покинуть регион. Попробуем описать потенциальный механизм, который может лежать в основе взаимосвязи воспринимаемой дискриминации и стратегий аккультурации.

Множественные идентичности и их воспринимаемая несовместимость

В последние годы в социально-психологических исследованиях все большее внимание уделяется так называемым “множественным идентичностям” [Verkuyten, Martinovic 2012]. Изучение идентичности, основанное на членстве в отдельных группах, уступает место анализу многофакторной и сложной природы групповой идентичности [Ashmore, Deaux, McLaughlin-Volpe 2004; Roccas, Brewer 2002; Verkuyten, Yildiz, 2007]. Это во многом обусловлено тем, что в современном поликультурном и мобильном мире люди зачастую в одно и то же время считают себя представителями нескольких групп [Benet-Martínez, Haritatos 2005]. Так, например, русские, проживающие на Северном Кавказе, довольно часто определяют себя как кавказские русские, русские кавказцы или русские с Кавказа, то есть идентифицируют себя одновременно в терминах и региональной и этнической идентичности. Аналогично, мусульмане, проживающие в Британии, зачастую называют себя британскими мусульманами, то есть идентифицируют себя в терминах и национальной, и религиозной идентичности [Hutchison, Lubna, Goncalves-Portelinha, Kamali, Khan 2015].

Идентичности, входящие в подобные множественные групповые категории, не всегда совместимы в восприятии самого человека, который в данном случае может воспринимать их как таковые. У иммигрантов и этнических меньшинств этот феномен может быть выражен сильнее, когда идентичность, связанная с сохранением культурного наследия, например этническая, начинает препятствовать принятию другой идентичности, например национальной (гражданской) [Deaux 2006] или региональной. Также это может происходить и тогда, когда две идентичности представляют собой наборы конфликтующих между собой норм и ценностей [Martinovic, Verkuyten 2012].

В ходе исследования британских мусульман П. Хатчитсон с коллегами предположили и показали, что на подобное восприятие идентичностей может влиять воспринимаемая представителями религиозного меньшинства дискриминация со стороны доминирующего общества [Hutchison, Lubna, Goncalves-Portelinha, Kamali, Khan 2015]. Кроме того, в данном исследовании было обнаружено, что воспринимаемая мусульманами групповая дискриминация со стороны доминирующего общества Британии ведет к восприятию ими национальной-британской и религиозной-мусульманской идентичностей, как несовместимых, что в свою очередь провоцирует у них рост негативных аутигрупповых установок по отношению к немусульманам. Соответственно, воспринимаемая несовместимость идентичностей, увеличивающаяся из-за воспринимаемой дискриминации, ведет к негативным установкам по отношению к представителям аутигрупп, то есть является медиатором во взаимосвязи воспринимаемой дискриминации и негативных аутигрупповых установок.

Итак, успешность взаимной адаптации представителей доминирующего общества и культурного меньшинства во многом обуславливается используемыми ими стратегиями аккультурации, в основе которых лежит отношение к культурной идентичности своей группы и культурной идентичности доминирующего общества [Berry 1997]. Однако наличие негативных установок по отношению к представителям аутигрупп не дает нам возможности судить о том, какие способы адаптации или стратегии аккультурации будут применяться в межкультурном взаимодействии представителями этнического/религиозного меньшинства. Соответственно, вопрос о том, какую роль воспринимаемая несовместимость этих идентичностей играет в выборе конкретных стратегий аккультурации этнических меньшинств, остается открытым.

Концепция аккультурации Берри подразумевает, что противоречие между двумя видами идентичности, которые лежат в основе стратегий аккультурации, не необходимо, так как представители этнических меньшинств могут иметь высокий уровень выраженности каждой идентичности (стратегия интеграции) или, наоборот, низкий (стратегия маргинализации) [Berry, Phinney, Sam, Vedder 2006]. Однако на психологическом уровне эти идентичности могут восприниматься как несовместимые, что по нашему мнению сказывается

на выборе той или иной стратегии аккультурации. Воспринимаемая несовместимость идентичностей обуславливается высоким уровнем воспринимаемой дискриминации.

Также можно констатировать, что воспринимаемая дискриминация связана со стратегиями аккультурации. Кроме того, воспринимаемая дискриминация оказывает влияние на выраженность идентичностей, связанных с сохранением своего культурного наследия и с принятием культуры доминирующего общества. Так, например, у турок, проживающих в Нидерландах, обнаружено, что воспринимаемая дискриминация положительно связана с сильной этнической идентификацией, которая способствует увеличению дистанции с группой большинства [Verkuypen, Yildiz 2007]. У молодых представителей этнических меньшинств Бельгии, Швеции и Нидерландов обнаружено, что воспринимаемая дискриминация положительно связана с сильной этнической и слабой национальной идентичностью [Fleischmann, Phalet, Klein 2011].

Таким образом, у нас есть основания объединить эти три конструкта в единое целое и предположить, что в основе взаимосвязи воспринимаемой дискриминации и стратегий аккультурации представителей этнических меньшинств лежит феномен воспринимаемой несовместимости идентичностей: сохранение своего культурного наследия входит в противоречие с принятием культуры доминирующего общества. Точнее, высокий уровень воспринимаемой дискриминации положительно связан с аналогичным уровнем воспринимаемой несовместимости этнической и региональной идентичностей, который в свою очередь положительно связан со стратегиями, ориентированными на одну культуру или вовсе ни на одну из культур (сепарации, ассимиляции и маргинализации) и отрицательно связан со стратегией интеграции, ориентированной на сохранение своего культурного наследия и на принятие культуры доминирующего общества. С учетом сказанного мы попытаемся в нашем исследовании¹ ответить на следующие вопросы: 1) существует ли взаимосвязь между воспринимаемой дискриминацией и стратегиями аккультурации русских на Северном Кавказе? 2) какую роль воспринимаемая несовместимость идентичностей играет в выборе конкретных стратегий аккультурации этнических меньшинств? 3) опосредует ли воспринимаемая несовместимость этнической (русской) и региональной (кавказской) идентичностей взаимосвязь между воспринимаемой дискриминацией и стратегией аккультурации русских в изучаемом регионе?

Восприятие дискриминации: реальные параметры

Сперва – два слова о достоверности описательной статистики и показателей используемых шкал. Они отражены в таблице 1. Высокие коэффициенты α -Кронбаха для всех шкал ($\alpha \geq 0,70$) свидетельствуют об их надежности.

Таблица 1

Описательная статистика и показатели надежности используемых шкал

Шкалы	Среднее значение	SD	α
Воспринимаемая несовместимость идентичностей	2,50	1,11	–
Воспринимаемая дискриминация	2,17	1,17	0,94
Интеграция	3,65	0,78	0,78
Ассимиляция	1,90	0,91	0,88
Сепарация	3,05	0,81	0,70
Маргинализация	2,27	0,77	0,74

Примечание: SD – стандартное отклонение; α – коэффициент α -Кронбаха.

¹ Исследование было проведено в 2014 г. Выборку составили русские, проживавшие на Северном Кавказе не менее 10 лет. Было опрошено 249 респондентов (82 мужчины и 167 женщин) в возрасте от 14 до 90 лет. Применялись следующие методы обработки данных: описательная статистика, показатель надежности коэффициент α -Кронбаха, моделирование структурными уравнениями (SEM).

**Взаимосвязь аккультурационных стратегий с воспринимаемой
несовместимостью идентичностей и дискриминацией**

		1	2	3	4	5	6
1	Воспринимаемая несо- вместимость идентич- ностей	–					
2	Воспринимаемая дис- криминация	0,31**	–				
3	Интеграция	–0,41**	–0,22**	–			
4	Ассимиляция	0,21**	0,31**	–0,36**	–		
5	Сепарация	0,47**	0,24**	–0,39**	*0,04	–	
6	Маргинализация	0,36**	0,32**	–0,43*	0,62**	0,30**	–

Примечание: ** – $p < 0,01$; * – $p < 0,05$ (двусторонняя).

Таблица 3

Характеристики эмпирических моделей

Модель	χ^2/df	CFI	RMSEA	PCLOSE
Модель 1 (интеграция)	1,78	0,99	0,06	0,36
Модель 2 (сепарация)	1,89	0,99	0,06	0,30
Модель 3 (ассимиляция)	1,94	0,99	0,06	0,24
Модель 4 (маргинализация)	2,37	0,98	0,07	0,12

Средние значения, представленные в таблице 2, свидетельствуют о том, что воспринимаемая несовместимость идентичностей и воспринимаемая дискриминация ниже срединного значения шкалы (2,5). Это говорит о слабой выраженности данных показателей у русских, проживающих на Северном Кавказе. Относительно стратегий аккультурации можно сказать, что у русских наиболее выражена стратегия интеграции, вторая по выраженности следует стратегия сепарации, затем следует стратегия маргинализации, в отношении стратегии ассимиляции можно заключить, что она практически не выражена в данной выборке.

В результате корреляционного анализа (см. табл. 3) выявлено, что воспринимаемая несовместимость идентичностей значимо положительно связана с воспринимаемой дискриминацией, значимо отрицательно связана со стратегией интеграции, значимо положительно связана со стратегиями ассимиляции, сепарации и маргинализации. Воспринимаемая дискриминация значимо отрицательно связана со стратегией интеграции и значимо положительно связана со стратегиями ассимиляции, сепарации и маргинализации. Относительно взаимосвязей стратегий аккультурации между собой, то можно сказать, что стратегия интеграции значимо отрицательно связана со стратегиями ассимиляции, сепарации и маргинализации. Стратегия ассимиляции не связана со стратегией сепарации, но значимо положительно связана со стратегией маргинализации. Стратегия сепарации так же, как и стратегия ассимиляции, значимо положительно связана со стратегией маргинализации.

Далее, с помощью SEM нами тестировались медиативные модели, различающиеся выбором определенных стратегий аккультурации. Общая тестируемая модель приведена на рисунке 1. Характеристики моделей представлены в таблице 4, а стандартизированные коэффициенты регрессионных связей для моделей с учетом прямого и непрямого эффекта воспринимаемой дискриминации на стратегии аккультурации – в таблице 5.

Характеристики моделей соответствуют рекомендованным в литературе: $1 < \chi^2/df < 3$; CFI $> 0,90$; RMSEA $< 0,10$; PCLOSE $> 0,05$ [Hu, Bentler 1999] для того, чтобы заключить соответствие моделей эмпирическим данным.

Воспринимаемая несовместимость идентичностей не служит медиатором во взаимосвязи воспринимаемой дискриминации со стратегией ассимиляции. Об этом свидетельствует то, что прямой ($\beta=0,28, p<0,001$) эффект воспринимаемой дискриминации на стратегию ассимиляции значим, тогда как непрямой эффект ($\beta=0,11, p > 0,05$) через воспринимаемую несовместимость идентичностей не значим. Воспринимаемая несовместимость идентичностей – медиатор во взаимосвязи воспринимаемой дискриминации со стратегией маргинализации, перед нами модель частичной медиации. Об этом свидетельствует то, что прямой эффект ($\beta = 0,23^{**}, p < 0,01$) и непрямой эффект через воспринимаемую несовместимость идентичностей ($\beta = 0,36, p < 0,001$) оба значимы.

Акультурация или маргинализация?

Итак, большинство исследований по аккультурации этнических меньшинств полагают, что воспринимаемая дискриминация способствует росту значимости идентичности, связанной с сохранением культурного наследия и снижению значимости идентичности, связанной с принятием культуры доминирующего общества [Jasinskaja-Lahti, Liebkind, Solheim 2009; Kunst, Tajamal, Sam, Ulleberg 2012; Verkuyten, Yildiz 2007]. Но данный подход практически ничего не говорит о механизмах, через которые воспринимаемая дискриминация оказывает воздействие на выбор той или иной стратегии аккультурации. Наше исследование в этом плане позволяет отчасти компенсировать этот пробел. Для чего обратимся к медиативной, представленной на рисунке 2.

Воспринимаемая русскими дискриминация со стороны титульного населения отрицательно связана со стратегией интеграции. Это согласуется с данными Берри с коллегами, проведенного на молодых иммигрантах из 13 стран мира, выбирающих стратегию интеграции и в меньшей степени испытывавших дискриминацию, в отличие от тех, кто придерживались других форм аккультурации [Berry, Phinney, Sam, Vedder 2006]. Кроме того, мы обнаружили, что данная связь опосредована воспринимаемой несовместимостью этнической (русской) и региональной (кавказской) идентичностей. Получается, что чем больше уровень воспринимаемой дискриминации, тем больше ощущается несовместимость этнической и региональной идентичностей, которая в свою очередь отрицательно связана со стратегией интеграции (данная связь повторяется во всех моделях, поэтому анализируется только здесь). Позитивная связь воспринимаемых дискриминации и несовместимости идентичностей согласуется с данными, полученными в недавно проведенном исследовании на британских мусульманах: воспринимаемая ими дискриминация со стороны доминирующего британского общества делает трудносовместимыми национально-британскую и религиозно-мусульманскую идентичности [Hutchison, Lubna, Goncalves-Portelinha, Kamali, Khan 2015]. Обнаруженная нами негативная связь воспринимаемой несовместимости этнической и региональной идентичностей со стратегией интеграции свидетельствует о том, что стра-

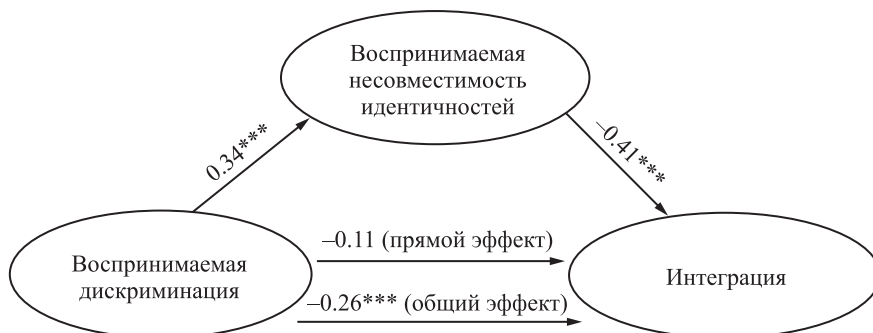

Рис. 2. Модель полной медиации взаимосвязи воспринимаемой дискриминации и стратегии интеграции через воспринимаемую несовместимость идентичностей.

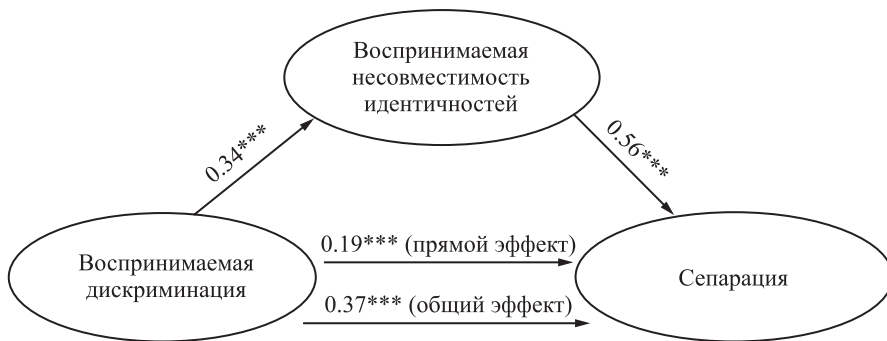

Рис. 3. Модель частичной медиации взаимосвязи воспринимаемой дискриминации и стратегии сепарации через воспринимаемую несовместимость идентичностей

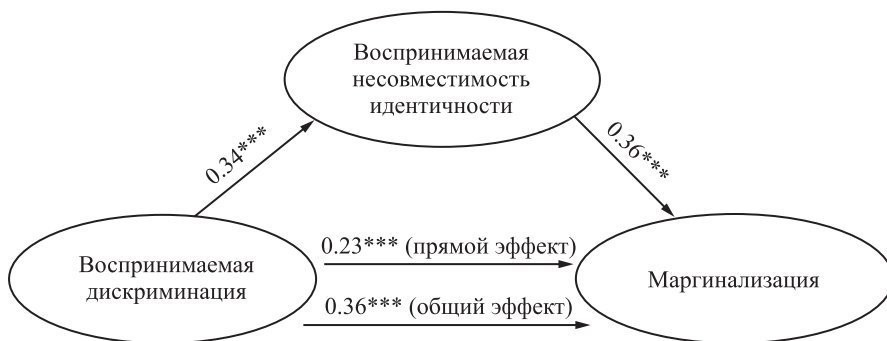

Рис. 4. Модель частичной медиации взаимосвязи воспринимаемой дискриминации и стратегии маргинализации через воспринимаемую несовместимость идентичностей.

тегия интеграции, заключающаяся в принятии двух культурных идентичностей, не может быть выбрана, когда они ощущаются несовместимыми. Для выбора стратегии интеграции русскими на Северном Кавказе этническая и региональная идентичности на психологическом уровне должны, напротив, восприниматься как совместимые.

Далее перейдем к анализу моделей частичной медиации взаимосвязи воспринимаемой дискриминации со стратегиями сепарации и маргинализации через воспринимаемую несовместимость идентичностей. Эти модели представлены на рисунках 3 и 4. По представленным на них результатам видно, что воспринимаемая русскими дискриминация со стороны титульного населения положительно связана со стратегиями сепарации и маргинализации. Причем самый высокий уровень воспринимаемой дискриминации демонстрируют представители этнических меньшинств, ориентированные на эти стратегии в межкультурном взаимодействии.

Коль скоро рассмотренные связи частично опосредованы воспринимаемой несовместимостью русской и кавказской идентичностей, а такая несовместимость со своей стороны обусловлена высокой дискриминацией, все это вносит вклад в выбор людьми стратегии сепарации и маргинализации. В связи с чем мы можем сказать, что восприятие русскими обеих идентичностей на психологическом уровне как несовместимых ведет к выбору стратегий аккультурации, не ориентированных на принятие культуры титульного населения. Подобные результаты согласуются с данными, полученными в довольно близких по содержанию исследованиях представителей этнических и этно-религиозных меньшинств в Финляндии и Нидерландах, где воспринимаемая несовместимость "своей" и "внешней" идентичностей была положительно связана с низким

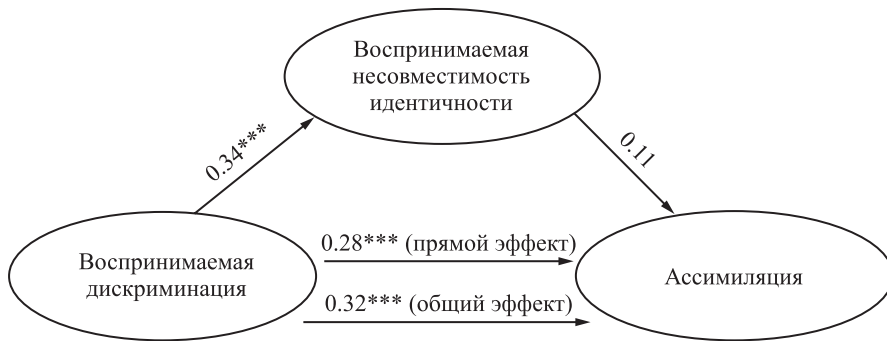

Рис. 5. Медиативная модель взаимосвязи воспринимаемой дискриминации и стратегии ассимиляции через воспринимаемую несовместимость идентичностей

уровнем национально-гражданской идентичности [Mähönen, Jasinskaja-Lahti, Liebkind 2010; Verkuyten, Martinovic 2012].

Относительно медиативной модели (см. рис. 5) взаимосвязи воспринимаемой дискриминации и стратегии ассимиляции через воспринимаемую несовместимость идентичностей, можно сказать следующее. Выбор стратегии ассимиляции определяется высоким уровнем воспринимаемой дискриминации.

Итак, хотя большинство исследований свидетельствуют, что воспринимаемая дискриминация препятствует принятию культуры доминирующего общества [Romero, Roberts 1998; Ward, Leong 2006], существует и другая точка зрения о природе данной связи, которая согласуется с нашими результатами. Дискриминируемые представители меньшинств могут выбрать свой индивидуальный путь социальной мобильности путем отмежевания себя от представителей обесцениваемой группы [Wright, Taylor, Moghaddam 1990]. Эта стратегия осуществима при условии, что границы группы, в которую стремится попасть представитель меньшинства, относительно проницаемы, так как это делает возможным членство в высокостатусной группе [Verkuyten, Reijerse 2008], в нашем случае, в титульных этнических группах Северного Кавказа.

Согласно результатам, представленным на рисунке 5, мы можем утверждать, что воспринимаемая несовместимость этнической и региональной идентичностей не выступает как медиатор взаимосвязи воспринимаемой дискриминации и стратегии ассимиляции русских на Северном Кавказе. Это свидетельствует о том, что у них воспринимаемая несовместимость идентичностей на психологическом уровне не связана со стратегией, ориентированной на принятие культуры титульного населения при отказе от своего культурного своеобразия.

Иначе говоря, при высоком уровне воспринимаемой русскими дискриминации, этническая и региональная идентичности трактуются ими как несовместимые, что в свою очередь может привести к выбору стратегий сепарации и маргинализации, то есть стратегий отрицающих принятие культуры титульного населения республики. Воспринимаемая несовместимость идентичностей – это медиатор взаимосвязи воспринимаемой дискриминации и стратегий интеграции, сепарации и маргинализации.

Это подтверждает наше изначальное предположение о медиативной роли воспринимаемой несовместимости идентичностей и позволяет по-новому взглянуть на факторы выбора той или иной стратегии аккультурации этническим меньшинством. Воспринимаемая несовместимость идентичностей полностью опосредует взаимосвязь между дискриминацией и стратегией интеграции русских на Северном Кавказе. Для выбора ими стратегии интеграции большое значение имело бы как раз восприятие русской и кавказской идентичностей как совместимых. Но упоминаемая несовместимость этнической и региональной идентичностей, частично опосредуя взаимосвязи между дискриминацией и стратегиями сепарации и маргинализации русских на Северном Кавказе, как бы подталкивает их к выбору адаптационных стратегий, связанных

с принятием культуры титульного населения. Конечно, исследования роли воспринимаемой несовместимости идентичностей в аккультурации этнических меньшинств только начинаются, но уже на данной стадии они демонстрируют высокий объяснительный потенциал влияния общесоциального контекста на межгрупповые установки.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Аккиева С.И., Геккиев К.Б. (2012) Демографический потенциал модернизации народов КБР в начале XXI в. // *Russian journal of Earth Sciences*. Вып. 12 (<http://ores.su/index.php/12122012/228-2012-12-24-13-22-02>).
- Всероссийская перепись населения 1939 г., 1959 г., 1970 г., 1979 г., 1989 г. Национальный состав населения по регионам России (2015) // *Demoscope Weekly*, № 651–652 (http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_70.php?reg=50)
- Дзadzиев А.Б. (1999) Русское население республик Северного Кавказа // Пути мира на Северном Кавказе. Коллективная монография (http://www.valerytishkov.ru/cntnt/publikacii3/kollektivn/puti_mira_.html).
- Итоги Всероссийской переписи населения 2010 г. в 11 т. Т. 11. Сводные итоги всероссийской переписи населения (http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/vol11pdf-m.html).
- Кобахидзе Е.И. (2005) Интеграционные и дезинтеграционные процессы в межэтническом взаимодействии на Северном Кавказе (на примере РСО–А и КБР) // *Социс*. № 2. С. 66–74.
- Ashmore R. D., Deaux K., McLaughlin-Volpe T. (2004) An Organizing Framework for Collective Identity: Articulation and Significance of Multidimensionality. *Psychological Bulletin*, vol. 130. Pp. 80–114.
- Benet-Martínez V., Haritatos J. (2005) Bicultural Identity Integration (BII): Components and Psychosocial Antecedents // *Journal of Personality*, vol. 73, pp. 1015–1050.
- Berry J. W. (1997) Immigration, Acculturation and Adaptation // *Applied Psychology: An International Review*, vol. 46, pp. 5–68.
- Berry J. W., Phinney J. S., Sam D. L., Vedder P. (2006) Immigrant Youth: Acculturation, Identity and Adaptation // *Applied Psychology*, no. 3, pp. 303–320.
- Berry J. W., Sabatier C. (2010) Acculturation, Discrimination and Adaptation among Second Generation Immigrant Youth in Montreal and Paris // *International Journal of Intercultural Relations*. Vol. 34. Pp. 191–207.
- Berry J. W. (2006) Contexts of Acculturation // *The Cambridge Handbook of Acculturation Psychology*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, pp. 27–42.
- Deaux K. (2006) *To Be an Immigrant*. New York: Russell Sage.
- Fleischmann F., Phalet K., Klein O. (2011) Religious Identification and Politicization in the Face of Discrimination: Support for Political Islam and Political Action among the Turkish and Moroccan Second Generation in Europe // *British Journal of Social Psychology*, no. 50, pp. 628–648.
- Hu L. T., Bentler P. M. (1999) Cutoff Criteria for Fit Indexes in Covariance Structure Analysis: Conventional Criteria versus New Alternatives // *Structural Equation Modeling*, no. 1. Pp. 1–55.
- Hutchison P., Lubna S. A., Goncalves-Portelinho I., Kamali P., Khan N. (2015) Group-based Discrimination, National Identification and British Muslims' Attitudes toward non-Muslims: the Mediating Role of Perceived Identity Incompatibility // *Journal of Applied Social Psychology*. Vol. 6, pp. 330–341.
- Jasinskaja-Lahti I., Liebkind K., Horenczyk G., Schmitz P. (2003) The Interactive Nature of Acculturation: Perceived Discrimination, Acculturation Attitudes and Stress among Young Ethnic Repatriates in Finland, Israel and Germany // *International Journal of Intercultural Relations*. Vol. 42, pp. 2779–2797.
- Jasinskaja-Lahti I., Liebkind K., Solheim E. (2009) To Identify or not to Identify? National (Dis) identification as an Alternative Reaction to Perceived Ethnic Discrimination // *Applied Psychology: an International Review*, vol. 58, pp. 105–128.
- Kunst J. R., Sam D. L. (2013) Relationship Between Perceived Acculturation Expectations and Muslim Minority Youth's Acculturation and Adaptation // *International Journal of Intercultural Relations*, no. 4, pp. 477–490.
- Kunst J. R., Tajamal H., Sam D. L., Ulleberg P. (2012) Coping with Islamophobia: the Effects of Religious Stigma on Muslim Minorities' Identity Formation // *International Journal of Intercultural Relations*, vol. 36, pp. 518–532.
- Mähönen T. A., Jasinskaja-Lahti I., Liebkind K. (2011) Cultural Discordance and the Polarization of Identities // *Group Processes and Intergroup Relations*, vol. 14, pp. 505–515.

- Martinovic B., Verkuyten M. (2012) Most National and Religious Identification among Turkish Muslims in Western Europe: The Role of In-group Norms, Perceived Discrimination and Value Incompatibility // *European Journal of Social Psychology*, vol. 42, pp. 893–903.
- Oudenhoven J.P. van, Ward C., Masgoret A. (2006) Patterns of Relations between Immigrants and Host Societies // *International Journal of Intercultural Relations*, vol. 30, pp. 637–651.
- Roccas S., Brewer M. (2002) Social Identity Complexity // *Personality and Social Psychology Review*, vol. 6, pp. 88–109.
- Romero A. J., Roberts R. E. (1998) Perception of Discrimination and Ethno-cultural Variables in a Diverse Group of Adolescents // *Journal of Adolescence*, no. 6, pp. 641–656.
- Sam D.L., Berry J.W. (2006) *Cambridge Handbook of Acculturation Psychology*. Cambridge: Cambridge Univ. Press.
- Te Lindert A., Korzilius H., Vijver F.J. van de, Kroon S., Arends-Tóth J. (2008) Perceived Discrimination and Acculturation among Iranian Refugees in the Netherlands // *International Journal of Intercultural Relations*, vol. 32, pp. 578–588.
- Verkuyten M., Martinovic B. (2012) Social Identity Complexity and Immigrants' Attitude toward the Host Nation: the Intersection of Ethnic and Religious Group Identification // *Personality and Social Psychology Bulletin*. No 9, pp. 1165–1177.
- Verkuyten M., Reijerse A. (2008) Intergroup Structure and Identity Management among Ethnic Minority and Majority Groups: the Interactive Effects of Perceived Stability, Legitimacy and Permeability // *European Journal of Social Psychology*, vol. 38, pp. 106–127.
- Verkuyten M., Yildiz A. A. (2007) National (Dis)identification, and Ethnic and Religious Identity: a Study among Turkish-Dutch Muslims // *Personality and Social Psychology Bulletin*. Vol. 33. Pp. 1448–1462.
- Verkuyten M., Thijs J. (2002) Multiculturalism among Minority and Majority Adolescents in the Netherlands // *International Journal of Intercultural Relations*, vol. 26, pp. 91–108.
- Ward C., Leong C.-H. (2006) *Intercultural Relations in Plural Societies: Theory, Research and Application* // Cambridge handbook of acculturation psychology. Cambridge: Cambridge Univ. Press.
- Wright S.C., Taylor D.M., Moghaddam F.M. (1990) Responding to Membership in a Disadvantaged Group: from Acceptance to Collective Protest // *Journal of Personality and Social Psychology*, vol. 58, pp. 994–1003.

Perceived Discrimination and Acculturation of Russians in the North Caucasus: the Role of Ethnic and Regional Identity Incompatibility

Z. LEPSHOKOVA*, N. LEBEDEVA**

*Lepshokova Zarina – candidate of sciences (Psychology), associate professor of psychology. Department in The National Research University “Higher School of Economics”, senior researcher in International Laboratory for Socio-cultural Research. Address: 46b, Volgogradsky av., Moscow, 109316, Russian Federation. E-mail: taimiris@yandex.ru.

**Lebedeva Nadezda – doctor of sciences (psychology), professor of psychology. Department in The National Research University “Higher School of Economics”, head of the International Laboratory for Socio-cultural Research. Address: 46b, Volgogradsky av., Moscow, 109316, Russian Federation. E-mail: lebedhope@yandex.ru.

Abstract

The article examines a perception of the Russians, living in the North Caucasus, their discrimination and its relationship with acculturation processes. It is shown that the discrimination perceived by the dominant population is positively related to the incompatibility of the ethnic (Russian) and regional (Caucasian) identities. This incompatibility is not conducive to the integration of any strategy aimed at preserving their culture, nor the adoption of the dominant culture, shaping the choice of the strategy of separation and marginalization. The relationship of perceived discrimination and assimilation policies

(assuming the local culture of the population) is not mediated by the incompatibility of the ethnic and regional identities.

Keywords: acculturation strategies, perceived discrimination, perceived identity incompatibility, ethnic (Russian) identity, regional (Caucasian) identity, Russians, Kabardino-Balkaria, North Caucasus.

REFERENCES

- Akkiyeva S.I., Gekkiyev K.B. (2012) Demograficheskiy potentsial modernizatsii narodov KBR v nachale XXI veka [The demographic potential of the peoples of the CBD modernization at the beginning of the XXI century]. *Russkii zhurnal nauk o Zemle*. Vyp. 12 (<http://ores.su/index.php/12122012/228-2012-12-24-13-22-02>).
- Ashmore R.D., Deaux K., McLaughlin-Volpe T. (2004) An Organizing Framework for Collective Identity: Articulation and Significance of Multidimensionality. *Psychological Bulletin*, vol. 130, pp. 80–114.
- Benet-Martínez V., Haritatos J. (2005) Bicultural Identity Integration (BII): Components and Psychosocial Antecedents. *Journal of Personality*, vol. 73, pp. 1015–1050.
- Berry J.W. (1997) Immigration, Acculturation and Adaptation. *Applied Psychology: an International Review*, vol. 46, pp. 5–68.
- Berry J.W., Phinney J.S., Sam D.L., Vedder P. (2006) Immigrant Youth: Acculturation, Identity and Adaptation. *Applied Psychology*, no. 3, pp. 303–320.
- Berry J.W., Sabatier C. (2010) Acculturation, Discrimination and Adaptation among Second Generation Immigrant Youth in Montreal and Paris. *International Journal of Intercultural Relations*, vol. 34, pp. 191–207.
- Berry J.W. (2006) Contexts of Acculturation. *The Cambridge Handbook of Acculturation Psychology*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, pp. 27–42.
- Deaux K. (2006) *To be an Immigrant*. New York: Russell Sage.
- Dzadziyev A.B. (1999) *Russkoye naseleniye respublik Severnogo Kavkaza* [Russian population of the North Caucasus republics. The collective monograph]. *Puti mira na Severnom Kavkaze* (http://www.valerytishkov.ru/cntnt/publikacii3/kollektivn/puti_mira.html).
- Fleischmann F., Phalet K., Klein O. (2011) Religious Identification and Politicization in the Face of Discrimination: Support for Political Islam and Political Action among the Turkish and Moroccan Second Generation in Europe. *British Journal of Social Psychology*, no. 50, pp. 628–648.
- Hu L.T., Bentler P.M. (1999) Cutoff Criteria for Fit Indexes in Covariance Structure Analysis: Conventional Criteria versus New Alternatives. *Structural Equation Modeling*, no. 1, pp. 1–55.
- Hutchison P., Lubna S.A., Goncalves-Portelinho I., Kamali P., Khan N. (2015) Group-based Discrimination, National Identification and British Muslims' Attitudes toward non-Muslims: the Mediating Role of Perceived Identity Incompatibility. *Journal of Applied Social Psychology*, vol. 6, pp. 330–341.
- Itogi vserossiyskoy perepisi naseleniya 2010 g. V 11 t. (2012) T. 11. Svodnyye itogi Vserossiyskoy perepisi naseleniya 2010 g. [The results of the National Population Census of 2010. 11 Vols. V. 11. Summary results of the national census in 2010] (http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/vol11pdf-m.html).
- Jasinskaja-Lahti I., Liebkind K., Solheim E. (2009) To Identify or not to Identify? National Disidentification as an Alternative Reaction to Perceived Ethnic Discrimination. *Applied Psychology: An International Review*, vol. 58, pp. 105–128.
- Kobakhidze E.I. (2005) Integratsionnyye i dezintegratsionnyye protsessy v mezhetnicheskom vzaimodeystvii na Severnom Kavkaze (na primere RSO-A i KBR) [Integration and disintegration processes in interethnic relations in the North Caucasus (the example of North Ossetia and the CBD)]. *Socis*, no. 2, pp. 66–74.
- Kunst J.R., Sam D.L. (2013) Relationship between Perceived Acculturation Expectations and Muslim Minority Youth's Acculturation and Adaptation. *International Journal of Intercultural Relations*, no. 4, pp. 477–490.
- Kunst J.R., Tajamal H., Sam D.L., Ulleberg P. (2012) Coping with Islamophobia: the Effects of Religious Stigma on Muslim Minorities' Identity Formation. *International Journal of Intercultural Relations*, no. 36, pp. 518–532.
- Mähönen T.A., Jasinskaja-Lahti I., Liebkind K. (2011) Cultural Discordance and the Polarization of Identities. *Group Processes and Intergroup Relations*, vol. 14, pp. 505–515.

- Martinovic B., Verkuyten M. (2012) Most National and Religious Identification among Turkish Muslims in Western Europe: the Role of In-group Norms, Perceived Discrimination and Value Incompatibility. *European Journal of Social Psychology*, vol. 42, pp. 893–903.
- Oudenhoven J.P. van, Ward C., Masgoret A. (2006) Patterns of Relations between Immigrants and Host Societies. *International Journal of Intercultural Relations*, vol. 30, pp. 637–651.
- Roccas S., Brewer M. (2002) Social Identity Complexity. *Personality and Social Psychology Review*, vol. 6, pp. 88–109.
- Romero A.J., Roberts R.E. (1998) Perception of Discrimination and Ethno-cultural Variables in a Diverse Group of Adolescents. *Journal of Adolescence*, no. 6, pp. 641–656.
- Sam D.L., Berry J.W. (2006) *Cambridge Handbook of Acculturation Psychology*. Cambridge: Cambridge Univ. Press.
- Te Lindert A., Korzilius H., Vijver F.J. van de, Kroon S., Arends-Tóth J. (2008) Perceived Discrimination and Acculturation among Iranian Refugees in the Netherlands. *International Journal of Intercultural Relations*, vol. 32, pp. 578–588.
- Verkuyten M., Martinovic B. (2012) Social Identity Complexity and Immigrants' Attitude toward the Host Nation: the Intersection of Ethnic and Religious Group Identification. *Personality and Social Psychology Bulletin*, no. 9, pp. 1165–1177.
- Verkuyten M., Reijerse A. (2008) Intergroup Structure and Identity Management among Ethnic Minority and Majority Groups: the Interactive Effects of Perceived Stability, Legitimacy and Permeability. *European Journal of Social Psychology*, vol. 38, pp. 106–127.
- Verkuyten M., Yildiz A.A. (2007) National (Dis)Identification, and Ethnic and Religious Identity: a Study among Turkish-Dutch Muslims. *Personality and Social Psychology Bulletin*, vol. 33, pp. 1448–1462.
- Verkuyten M., Thijs J. (2002) Multiculturalism among Minority and Majority Adolescents in the Netherlands. *International Journal of Intercultural Relations*, vol. 26, pp. 91–108.
- Ward C., Leong C.-H. (2006) Intercultural Relations in Plural Societies: Theory, Research and Application. *Cambridge Handbook of Acculturation Psychology*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, pp. 484–503.
- Wright S.C., Taylor D.M., Moghaddam F.M. (1990) Responding to Membership in a Disadvantaged Group: from Acceptance to Collective Protest. *Journal of Personality and Social Psychology*, vol. 58, pp. 994–1003.
- Vsesoyuznaya perepis' naseleniya 1939 g., 1959 g., 1970 g., 1979 g., 1989 g. Natsional'nyy sostav naseleniya po regionam Rossii (2015) [All Union Population Census of 1939, 1959, 1970, 1979, 1989. National composition of the population in the Russian regions]. *Demoscope Weekly*. No. 651–652 (http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_70.php?reg=50).